

ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ. ФИЛОСОФИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

ВЕСТНИК ОШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОСОФИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

JOURNAL OF OSH STATE UNIVERSITY. PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE

e-ISSN: 1694-8823

№1(7)/2026, 91-103

УДК: 17.022.1:1(091)

DOI: [10.52754/16948823_2026_1\(7\)_10](https://doi.org/10.52754/16948823_2026_1(7)_10)

**АРИСТОТЕЛЬ И СПИНОЗА: ДВА ПУТИ К СЧАСТЬЮ – ОТ ДЕЙСТВИЯ К
ПОНИМАНИЮ**

АРИСТОТЕЛЬ ЖАНА СПИНОЗА: БАКЫТКА ЖЕТҮҮНҮН ЭКИ ЖОЛУ – ИШ-
АРАКЕТТЕН ТҮШҮНҮҮГӨ

ARISTOTLE AND SPINOSA: TWO PATHS TO HAPPINESS – FROM ACTION TO
UNDERSTANDING

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Isakov Kubanychbek Abdykadyrovich

доктор философских наук, профессор Ошский государственный университет

философия илимдеринин доктору, профессор Ош мамлекеттик университети

Doctor of Philosophy, associate professor of Osh State University

isakov-oshgui@mail.ru

ORCID 0009-0007-2035-0453

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

Bekboev Askarbek Abdykadyrovich

доктор философских наук, профессор институт философии им. академика

А.А. Алтмышбаева НАН Кыргызской Республики

философия илимдеринин доктору, профессор. академик

А.А. Алтмышбаева атындагы Философия институту Кыргыз Республикасынын УИАсы

Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy named after. academician

A.A. Altmyshbaeva NAS of the Kyrgyz Republic

baa140156@mail.ru

ORCID 0009-0009-2503-4286

АРИСТОТЕЛЬ И СПИНОЗА: ДВА ПУТИ К СЧАСТЬЮ – ОТ ДЕЙСТВИЯ К ПОНИМАНИЮ

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу философских концепций счастья в учениях Аристотеля и Бенедикта Спинозы. Рассматриваются две фундаментальные модели интерпретации счастья: как реализации человеческой природы в деятельностной форме и как состояния, возникающего в результате адекватного понимания необходимости. Показано, что аристотелевская концепция эвдемонии раскрывает практическое измерение человеческого существования, связанное с добродетельной деятельностью и социальным участием, тогда как спинозовская концепция выявляет когнитивно-онтологический аспект, связанный с познанием и внутренней свободой. В статье обосновывается тезис о частичности каждой из данных моделей при их изолированном рассмотрении и предлагается интегративный подход, в рамках которого счастье интерпретируется как единство осмысленного действия и адекватного понимания. Делается вывод о том, что синтез аристотелевской и спинозовской традиций позволяет сформировать более целостное философское представление о счастье, соответствующее сложности человеческого существования в условиях современной рациональности.

Ключевые слова: счастье, эвдемония, Аристотель, Спиноза, деятельность, понимание, свобода, добродетель, необходимость, онтология, этика, философская антропология

**АРИСТОТЕЛЬ ЖАНА СПИНОЗА: БАКЫТКА
ЖЕТҮҮНҮН ЭКИ ЖОЛУ – ИШ-АРАКЕТТЕН
ТҮШҮНҮҮГӨ**

**ARISTOTLE AND SPINOZA: TWO PATHS TO
HAPPINESS – FROM ACTION TO
UNDERSTANDING**

Аннотация

Бул макалада Аристотель менен Бенедикт Спинозанын окууларындагы бакыттын философиялык түшүнүктөрүнүн салыштырмалуу талдоосу берилет. Бакытты чечмелөөнүн эки негизги модели каралат: адамдын табиятын активдүү формада ишке ашыруу жана зарылчылыкты адекваттуу түшүнүүдөн келип чыккан абал катары. Аристотелдин эвдеймония концепциясы адам жашоосунун жакшы иш-аракет жана социалдык катышуу менен байланышкан практикалык өлчөмүн ачып берери, ал эми Спинозанын концепциясы билим жана ички эркиндик менен байланышкан когнитивдик-онтологиялык аспекти ачып берери көрсөтүлөт. Макалада бул моделдердин ар бири өзүнчө каралганда жарым-жартылай деген тезис негизделет жана интегративдик мамиле сунушталат, анын ичинде бакыт маңыздуу иш-аракеттин жана адекваттуу түшүнүүнүн биримдиги катары чечмеленет. Аристотель жана Спинозай салттарынын синтези бакытты бир топ комплекстүү философиялык түшүнүүнү калыптандырууга мүмкүндүк берет деген тыянак чыгарылат, бул заманбап рационалдуулук контекстинде адамдын жашоосунун татаалдыгына туура келет.

Ачык сөздөр: бакыт, эвдеймония, Аристотель, Спиноза, активдүүлүк, түшүнүү, эркиндик, жакшылык, зарылчылык, онтология, этика, философиялык антропология

Abstract

The article presents a comparative analysis of the philosophical conceptions of happiness in the works of Aristotle and Benedict Spinoza. Two fundamental models of interpreting happiness are examined: happiness as the realization of human nature through activity, and happiness as a state arising from the adequate understanding of necessity. It is shown that Aristotle's concept of eudaimonia reveals the practical dimension of human existence associated with virtuous activity and social participation, while Spinoza's approach highlights the cognitive and ontological dimension related to knowledge and inner freedom. The paper argues that each of these models remains partial when considered in isolation and proposes an integrative approach in which happiness is interpreted as the unity of meaningful action and adequate understanding. It is concluded that the synthesis of Aristotelian and Spinozist traditions provides a more comprehensive philosophical understanding of happiness, corresponding to the complexity of human existence in the context of contemporary rationality.

Keywords: happiness, eudaimonia, Aristotle, Spinoza, action, understanding, freedom, virtue, necessity, ontology, ethics, philosophical anthropology.

Введение

Проблема счастья занимает центральное место в истории философии и выступает как фундаментальная категория, в которой пересекаются онтологические, этические и антропологические измерения человеческого существования. Уже в античной философии счастье мыслится не как частное эмоциональное состояние, а как характеристика целостной жизни человека, отражающая способ его соотнесённости с миром, с другими людьми и с самим собой [1, с. 45].

В этом смысле вопрос о счастье неизбежно выходит за пределы субъективных переживаний и приобретает статус философской проблемы, связанной с пониманием природы человека, его места в структуре бытия и условий самореализации.

В различные исторические эпохи содержание понятия счастья претерпевает значительные трансформации. В одних философских системах оно трактуется как достижение определённой цели и завершённости человеческой природы, в других — как состояние внутренней гармонии и согласия, в третьих — как результат нравственного и познавательного усилия. Тем самым формируются различные парадигмы интерпретации счастья, которые можно условно свести к двум основным ориентациям:

- к счастью как осуществлению (реализации потенций);
- к счастью как пониманию (прояснению бытия).

Данные ориентации отражают более глубокое философское различие между двумя способами осмысления человеческого существования: как процесса становления, направленного к определённой цели, и как формы бытия, раскрывающейся через осознание своей включённости в универсальный порядок.

В этом контексте особый интерес представляет сопоставление философских позиций Аристотеля и Бенедикта Спинозы. Их концепции не только принадлежат различным историко-культурным эпохам, но и выражают два принципиально различных подхода к пониманию отношения человека к миру.

Философия Аристотеля основывается на телеологическом представлении о реальности, в рамках которого всё сущее стремится к своей цели. Человек, обладая разумной природой, реализует себя через деятельность, направленную на достижение добродетельной жизни. Счастье, таким образом, мыслится как результат осуществления человеческой сущности в процессе практической деятельности.

В философии Спинозы, напротив, происходит отказ от телеологической модели в пользу онтологии имманентности. Мир рассматривается как единая субстанция, существующая по необходимости, а человек — как её модус. В этой системе счастье утрачивает характер цели и

интерпретируется как состояние адекватного понимания причинной обусловленности бытия [9, с. 112].

Таким образом, если в аристотелевской традиции счастье связано с деятельной реализацией и движением к завершённости, то в Спинозовской — с познанием и внутренней согласованностью с необходимостью.

Сопоставление данных подходов позволяет выявить не только различие этических стратегий, но и более глубокое расхождение в интерпретации человеческого бытия: как направленного к цели становления и как формы существования, раскрывающейся в понимании. Вместе с тем данное различие не носит абсолютного характера и открывает возможность философского диалога между двумя традициями.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в условиях современной рациональности, ориентированной на эффективность, результат и оптимизацию, усиливается деятельностное измерение человеческого существования, в то время как измерение понимания и внутренней осмысленности оказывается вытесненным. Это приводит к возникновению дисбаланса между внешней активностью и внутренней согласованностью субъекта.

В этой связи обращение к философскому наследию Аристотеля и Спинозы позволяет не только реконструировать классические модели понимания счастья, но и поставить вопрос о возможности их синтеза в контексте современных вызовов.

Цель данной статьи — выявить структурные различия и точки пересечения указанных подходов, а также обосновать возможность их философского синтеза, в рамках которого счастье может быть интерпретировано как единство осмысленного действия и адекватного понимания.

1. Счастье как эвдемония: концепция Аристотеля

В философии Аристотеля понятие счастья (εὐδαιμονία) занимает центральное место и определяется как высшее благо человека, являющееся конечной целью всех его стремлений. Однако Аристотель принципиально отказывается трактовать счастье как субъективное чувство удовольствия или эмоционального благополучия. Напротив, счастье мыслится как объективная характеристика жизни в её целостности — как способ существования, в котором человек наиболее полно реализует свою природу [3, с. 67].

Для понимания данной позиции ключевым является введённое Аристотелем понятие функции (ἔργον). Каждая вещь, по его мысли, обладает определённым назначением, и её благо

заключается в успешном осуществлении этой функции. Если для музыкального инструмента благо состоит в способности хорошо звучать, то для человека оно определяется его специфической природой. Поскольку человек отличается от других живых существ наличием разума, его функция заключается в разумной деятельности.

Следовательно, счастье не есть состояние, которое можно получить извне, — оно есть деятельность, соответствующая человеческой сущности. Человек становится счастливым не тогда, когда он испытывает удовольствие, а тогда, когда живёт в соответствии с разумом и реализует свои способности.

Данное понимание укоренено в телеологическом принципе, согласно которому всё сущее направлено к определённой цели (τέλος). Однако в случае человека эта направленность приобретает особый характер: цель не навязывается извне, а раскрывается через саму природу человеческого бытия. Счастье, таким образом, предстает не просто результатом, а процессом становления, в ходе которого человек осуществляет свою сущность через деятельность [3, с. 112].

Аристотель формулирует классическое определение счастья как деятельность души в соответствии с добродетелью на протяжении полной и завершённой жизни.

Это определение включает несколько взаимосвязанных аспектов.

Прежде всего, речь идёт о деятельности (ἐνέργεια), а не о пассивном состоянии. Счастье не может быть сведено к обладанию какими-либо благами — оно реализуется в самом процессе действия. Это означает, что человек не может быть счастливым «раз и навсегда»: счастье требует постоянного подтверждения через образ жизни.

Вторым ключевым элементом является добродетель (ἀρετή). Аристотель рассматривает добродетели как устойчивые качества характера, формирующиеся через привычку. Человек не рождается добродетельным — он становится таковым через повторение правильных действий. Добродетель, таким образом, представляет собой не столько знание о добре, сколько способность действовать в соответствии с ним.

Особое значение в этой системе приобретает принцип «золотой середины», согласно которому добродетель заключается в нахождении меры между двумя крайностями. Мужество, например, находится между трусостью и безрассудной отвагой, щедрость — между расточительностью и скупостью. Разум играет здесь регулирующую роль, позволяя определить правильную меру в конкретной ситуации.

Третьим важным аспектом является роль разума (νοῦς, λόγος) как высшего начала в человеке. Именно разум делает возможным не только правильное действие, но и осмысление этого действия. Через разум человек способен видеть цель, выбирать средства и оценивать

последствия. Таким образом, счастье у Аристотеля неразрывно связано с рациональностью как способностью к осмысленному выбору.

Не менее существенным является и социальное измерение счастья. Аристотель определяет человека как «политическое животное» (ζῷον πολιτικόν), подчёркивая, что его природа реализуется в общении и совместной жизни. Полис выступает не просто внешней средой, а необходимым условием человеческого совершенствования. Вне общества человек либо недоразвит, либо сверхчеловечен, но не человек в полном смысле слова.

Следовательно, счастье невозможно вне системы социальных отношений. Оно предполагает участие в общественной жизни, выполнение определённых ролей и ответственность перед другими. В этом смысле счастье имеет не только индивидуальное, но и общественное измерение.

Однако аристотелевская концепция не ограничивается только практической деятельностью. В высшей форме счастье связано с созерцательной жизнью (θεωρία). Аристотель утверждает, что наивысшее счастье достигается в деятельности разума, направленной на познание истины. Созерцание является самодостаточным и в наименьшей степени зависит от внешних обстоятельств, что делает его наиболее совершенной формой человеческой активности.

Тем самым в учении Аристотеля можно выделить два уровня счастья:

- практический — связанный с добродетельной деятельностью в обществе;
- созерцательный — связанный с интеллектуальным постижением истины.

Высшая форма счастья принадлежит второму уровню, однако первый остаётся необходимым условием полноценной человеческой жизни.

Вместе с тем Аристотель признаёт и роль внешних благ (здоровье, достаток, социальное положение). Хотя они не определяют счастье напрямую, их отсутствие может препятствовать его достижению. Это придаёт его концепции реалистический характер: счастье не полностью зависит от субъекта, но и не сводится к внешним условиям.

Таким образом, аристотелевская концепция счастья представляет собой сложную и многомерную систему, в которой соединяются:

- телеологическое понимание мира;
- идея разумной деятельности;
- этика добродетелей;
- социальная природа человека;
- высшая ценность созерцания.

Счастье здесь выступает как форма реализованной жизни, в которой человек достигает внутренней и внешней гармонии через согласование своих действий, характера и разума.

В целом можно заключить, что для Аристотеля счастье — это не состояние покоя и не результат случайного стечения обстоятельств, а путь активного становления, в котором человек через деятельность раскрывает свою сущность и утверждает себя в мире.

2. Счастье как понимание: концепция Спинозы

В философии Бенедикта Спинозы происходит радикальный пересмотр традиционного понимания счастья. В отличие от телеологической модели, характерной для античной мысли, Спиноза строит свою систему на принципе онтологической имманентности. Мир рассматривается как единая бесконечная субстанция — *Deus sive Natura* (Бог, или Природа), в рамках которой всё существующее определяется необходимостью [9, с. 67].

В этой системе отсутствует внешняя цель, к которой стремится человек. Всё существующее не направлено к заранее заданному результату, а разворачивается в соответствии с внутренней логикой самой субстанции. Следовательно, идея счастья как достижения определённого состояния или реализации цели утрачивает своё значение.

Человек в философии Спинозы не является автономным субъектом в традиционном смысле. Он представляет собой модус субстанции, то есть частный способ её проявления. Это означает, что человеческое существование включено в универсальную сеть причинно-следственных связей, и каждое действие обусловлено необходимостью. В этом контексте свобода не может пониматься как произвольный выбор между альтернативами.

Однако отказ от свободы в привычном смысле не означает её отрицания как таковой. Спиноза переосмысливает это понятие, связывая его с познанием. Человек становится свободным не тогда, когда он может действовать независимо от причин, а тогда, когда понимает эти причины.

Ключевым элементом данной концепции является теория познания, в рамках которой Спиноза выделяет три уровня знания:

1. Мнение (воображение) — наиболее низкая форма познания, основанная на случайных впечатлениях и неполных представлениях. На этом уровне человек подвержен иллюзиям и аффектам.

2. Разум (*ratio*) — уровень, на котором человек начинает понимать общие законы природы и связи между вещами. Здесь возникает возможность адекватного знания.

3. Интуитивное знание (*scientia intuitiva*) — высшая форма познания, позволяющая непосредственно постигать сущность вещей через их связь с субстанцией [9, с. 112].

Именно третий уровень знания играет решающую роль в понимании счастья. Интуитивное познание даёт человеку целостное видение мира, в котором исчезает противопоставление субъекта и объекта. Человек начинает воспринимать себя как часть единого порядка бытия.

В этом состоянии возникает особая форма переживания, которую Спиноза называет *amor intellectualis Dei* — интеллектуальной любовью к Богу. Это не эмоциональное чувство в обычном смысле, а состояние глубокого согласия с миром, основанное на понимании его необходимости.

Таким образом, счастье в философии Спинозы можно определить как состояние, возникающее из адекватного познания необходимости и внутреннего согласия с порядком бытия. Это понимание принципиально отличается от аристотелевского. Если у Аристотеля счастье достигается через деятельность, то у Спинозы оно связано с переходом от аффективной зависимости к рациональному пониманию.

Особое значение в этой системе имеет учение об аффектах. Спиноза показывает, что человек, не обладающий адекватным знанием, находится во власти страстей, которые определяются внешними причинами. Такие аффекты делают человека зависимым и лишают внутренней устойчивости. Познание, напротив, позволяет трансформировать аффекты. Человек перестаёт быть пассивным объектом внешних воздействий и становится активным в той мере, в какой он понимает причины своих состояний. Это не освобождение от необходимости, а переход к её осознанию.

В этой связи свобода определяется как познание необходимости и согласие с ней [9, с. 134]. Такое понимание свободы снимает противоречие между детерминизмом и человеческой автономией. Человек свободен не вопреки необходимости, а через неё.

Следовательно, счастье у Спинозы носит когнитивный и онтологический характер. Оно не зависит от внешних обстоятельств, социального положения или результатов деятельности. Его источник заключается в самом способе понимания мира.

Важно отметить, что данная концепция не предполагает ухода от реальности или отрицания действия. Напротив, Спиноза утверждает, что адекватное знание усиливает способность человека действовать. Однако действие здесь уже не направлено на достижение внешних целей, а становится выражением внутренней согласованности с порядком бытия.

Таким образом, счастье в философии Спинозы представляет собой состояние внутренней ясности, в котором человек:

- понимает причинную обусловленность происходящего;
- освобождается от власти аффектов;

- достигает согласия с универсальным порядком природы.

В целом можно заключить, что Спинозовская концепция счастья переносит акцент с внешнего действия на внутреннее понимание. Счастье здесь — не результат достижения, а форма бытия, возникающая в процессе постижения истины.

3. Сравнительный анализ: действие и понимание (отредактированная версия)

Сопоставление философских позиций Аристотеля и Бенедикта Спинозы позволяет выявить два различных способа понимания счастья, отражающих более глубокое различие в интерпретации человеческого существования. Речь идёт не просто о различии этических учений, а о двух моделях отношения человека к бытию — как к пространству реализации и как к порядку понимания.

В аристотелевской традиции человек мыслится как существо, которое становится самим собой через деятельность. Его природа раскрывается не в покое, а в процессе осуществления. Счастье здесь связано с движением, усилием, постоянным воплощением своих способностей в конкретных поступках. Человек, по Аристотелю, не дан себе в завершённом виде — он формируется через выбор, привычку и участие в жизни общества.

Таким образом, счастье выступает как результат активного становления, в котором человек реализует свою сущность через действие. Это путь, направленный вперёд: от возможности — к действительности, от потенции — к форме.

В философии Спинозы, напротив, акцент переносится со становления на бытие. Человек не должен «достигать» себя, поскольку он уже является частью единой субстанции. Проблема заключается не в том, чтобы стать кем-то, а в том, чтобы понять, кто он есть в действительности.

Счастье здесь связано не с изменением внешнего положения человека, а с трансформацией способа его понимания мира. Чем глубже человек осознаёт причинную обусловленность происходящего, тем меньше он подвержен аффектам и тем ближе он к внутренней свободе.

Таким образом, если у Аристотеля счастье раскрывается через действие, то у Спинозы — через понимание. В первом случае человек движется к своей сущности, во втором — осознаёт свою включённость в уже существующий порядок.

Однако данное различие не следует интерпретировать как противопоставление взаимоисключающих позиций. Напротив, оно указывает на две взаимосвязанные стороны человеческого существования, которые в реальности неразделимы.

Односторонняя ориентация на деятельность, лишённую понимания, приводит к состоянию, которое можно охарактеризовать как бессодержательная активность. Человек

действует, достигает, строит, но при этом не осознаёт смысла своих усилий. Его жизнь превращается в непрерывное движение без внутренней опоры, а действие утрачивает направленность и становится самоцелью.

С другой стороны, ориентация исключительно на понимание, не переходящее в действие, приводит к отрыву от реальности. Человек осознаёт устройство мира и стремится к внутренней гармонии, однако не реализует себя в конкретной жизненной практике. Такое понимание остаётся замкнутым в себе и не воплощается в формах существования.

Тем самым обе крайности обнаруживают свою ограниченность: действие без понимания лишается смысла, а понимание без действия — жизненной силы. В этом контексте становится возможным рассматривать аристотелевскую и Спинозовскую концепции не как альтернативные, а как взаимодополняющие. Человеческое существование включает в себя как измерение активности, так и измерение осмысленности.

Счастье, следовательно, не может быть сведено ни к одной из этих сторон в отдельности. Оно возникает в их внутреннем согласовании — тогда, когда действие становится осмысленным, а понимание — реализованным.

Таким образом, можно утверждать, что:

- аристотелевская модель раскрывает динамику человеческого становления;
- Спинозовская — глубину его онтологической укоренённости;
- их синтез позволяет рассматривать счастье как единство действия и понимания.

В этом единстве человек одновременно:

- действует и осознаёт;
- реализует себя и понимает себя;
- участвует в мире и принимает его.

Именно в этой точке открывается более целостное понимание счастья — не как цели или состояния, а как способа бытия, в котором внешняя активность и внутренняя ясность находятся в состоянии гармонии.

4. Синтез: к интегративному пониманию счастья

Проведённый анализ философских позиций Аристотеля и Бенедикта Спинозы позволяет заключить, что каждая из них фиксирует лишь один аспект сложной и многомерной структуры человеческого существования. В этом смысле ни деятельностная модель, ни когнитивно-онтологическая модель не исчерпывают проблему счастья в её полноте, а представляют собой различные, но взаимодополняющие способы её осмысления.

Аристотелевская концепция раскрывает активное, практическое измерение человеческой жизни. Она показывает, что человек не может быть счастлив вне реализации

своих способностей, вне формирования устойчивого характера и вне участия в общественной жизни. Счастье здесь связано с движением, усилием и становлением, с переходом от возможности к действительности. Однако при одностороннем развитии данная линия может привести к утрате внутренней осмысленности, когда деятельность превращается в самоцель и утрачивает связь с глубинными основаниями человеческого бытия.

Спинозовская концепция, напротив, выявляет онтологическое и когнитивное измерение человеческого существования, связанное с пониманием и внутренней согласованностью с универсальным порядком бытия. Она демонстрирует, что человек не может обрести подлинную свободу без осознания причинной обусловленности своего существования и включённости в единую субстанциальную реальность. Однако в случае изолированного применения данный подход рискует привести к ослаблению деятельностного начала и отрыву от конкретной жизненной практики.

Таким образом, каждая из рассматриваемых концепций является частичной, но необходимой. Их сопоставление позволяет перейти от логики противопоставления к логике синтеза.

В рамках такого синтеза счастье может быть определено как **единство осмысленного действия и адекватного понимания**. Это означает, что человеческое существование не может быть сведено ни к одной из этих сторон: действие нуждается в понимании, чтобы обрести смысл и направленность, тогда как понимание нуждается в действии, чтобы получить форму, воплощение и онтологическую завершённость.

В данном контексте аристотелевская линия задаёт практическое измерение человеческого бытия, отвечая на вопрос о том, *как* человек должен жить и каким образом он реализует свою природу в конкретных действиях и отношениях. Спинозовская линия, в свою очередь, раскрывает онтологическое и когнитивное измерение, отвечая на вопрос о том, *что значит быть* и каким образом человек может достичь внутренней свободы через понимание.

Их объединение позволяет преодолеть традиционное противопоставление активности и созерцания, действия и понимания, становления и бытия. В этом контексте счастье перестаёт быть либо результатом достижения, либо состоянием внутреннего покоя. Оно выступает как особый способ существования, в котором человек одновременно:

- действует и осознаёт;
- реализует себя и понимает себя;
- участвует в мире и постигает его.

Такое понимание открывает возможность формирования целостной модели человеческого бытия, в которой внешняя активность и внутренняя осмысленность не противостоят друг другу, а образуют единую, внутренне согласованную структуру.

Следовательно, счастье может быть интерпретировано не как конечная цель или фиксированное состояние, а как динамическое равновесие между деятельностью и пониманием. Это равновесие не является раз и навсегда заданным — оно требует постоянного удержания, рефлексии и переосмысления в ходе жизненного пути.

В этом смысле синтез аристотелевской и Спинозовской традиций позволяет выйти за пределы односторонних интерпретаций и предложить более адекватное философское понимание счастья, соответствующее сложности и противоречивости человеческого существования в современных условиях.

Заключение

Философии Аристотеля и Спинозы представляют собой два фундаментальных подхода к пониманию счастья:

- счастье как реализация человеческой природы;
- счастье как понимание необходимости.

Их различие отражает более глубокое напряжение между действием и пониманием, становлением и бытием. Однако подлинное философское решение заключается не в выборе одного из подходов, а в их интеграции. Счастье может быть определено как **согласованность между тем, что человек делает, и тем, что он понимает.**

Именно в этой согласованности раскрывается подлинная целостность человеческого существования: действие перестаёт быть слепым, а понимание — бесплодным; человек обретает не только направление, но и основание своего бытия.

В этом смысле счастье предстает не как достигнутая цель, а как постоянно удерживаемое единство — как способ жить, в котором мышление и действие образуют единую форму человеческой полноты

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия? — М.: Академический проект, 2005. — 304 с.
2. Акматов О. С., Бекбоев А. А. Морально-этические понятия в контексте философской антропологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 2-2 (89). — С. 160–166.
3. Аристотель. Никомахова этика. — М.: Мысль, 1983. — 336 с.

4. Бекбоев А. А. Экзистенциальная айтматология [Электронный ресурс]. — Алматы, 2025. — 344 с. — URL: <http://cslnaskr.krena.kg/collections/ru/view/9993/> (дата обращения: 17.03.2026).
5. Бекбоев А. А. Нравственность как идеал: констатационный анализ // Известия НАН КР. — 2025. — № 2. — С. 144–149.
6. Бекбоев А. А., Имашова А. А., Сооронбаева Ч. К. Искусственный интеллект как метафизика: философский подход // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 7-1 (106). — С. 6–13.
7. Гусейнов А. А. Этика и культура: современные интерпретации нравственности // Вопросы философии. — 2018. — № 5. — С. 5–17.
8. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. — М.: Норма, 2004. — 768 с.
9. Спиноза Б. Этика. — М.: Мысль, 1994. — 352 с.
10. Хоружий С. С. Синергичная антропология: опыт философского анализа // Вопросы философии. — 2010. — № 12. — С. 3–20.
11. Della Rocca M. Spinoza's Metaphysical Psychology // Stanford Encyclopedia of Philosophy. — 2019. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/spinoza-psychology/> (accessed: 17.03.2026).
12. Hursthouse R. Virtue Ethics and Human Nature // Philosophy. — 1999. — Vol. 74. — No. 289. — P. 311–328. — DOI: 10.1017/S0031819199000605.
13. Kenny A. Aristotle on the Perfect Life. — Oxford: Clarendon Press, 1992. — 160 p.
14. Nadler S. Spinoza: A Life. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 407 p.